

- ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social change], 2010, no. 6 (100), pp. 4–11.
4. Nikonenko S. A. Politicheskie partii kak institut politicheskoy organizatsii grazhdanskogo obshchestva [Political parties as a political institution, civil society organizations]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Tambov University Reports. Series: Humanities], 2011, no. 10 (102), pp. 278–282.
5. Kotlyarov I. V. Politicheskaya sistema Belarusi: teoreticheskoe regulirovanie i sotsiologicheskoe osmyslenie [The Political system of Belarus: the regulation of the theoretical and sociological understanding]. *Sotsiologicheskii almanakh* [Sociological Almanac], 2011, no. 2, pp. 41–54.
6. Boyko S. I. Stabilnost vs ambivalentnost: varianty politicheskikh algoritmov [Stability vs. ambivalence: options for policy algorithms]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Russian State Humanitarian University], 2013, no. 1 (102), pp. 108–118.
7. Grishin O. E. *Ustoychivost politicheskoy sistemy: ponyatie, podkhody, regulatory* [Stability of the political system: concept, approaches, regulators]. [Modern Problems of Science and Education], 2015, no. 1, part 1. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18121>.
8. *Postanovlenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 22 fevralya 2012 g. No. 159 g.* [The Decree of the Government of the Russian Federation of February 22, 2012 No. 159 Moscow]. Available at: <http://www.rg.ru/2012/03/02/obsuzhdenie-dok.html>.
9. *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii* [A report on the state of civil society in the Russian Federation]. Available at: <http://www.oprf.ru>.
10. *Itogovyy press-reliz V Sezda nekommercheskikh organizatsiy Rossii* [Final press-release of the V Congress of non-profit organizations of Russia]. Available at: <http://www.gosgrant.ru/materials/post2014.php>.
11. *Nekommercheskie organizatsii v Rossii* [Non-profit organization in Russia]. Available at: <http://tass.ru/info/671635>.
12. *Spisok zaregistrirovannykh politicheskikh partiy* [The list of registered political parties]. Available at: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok>.
13. Kiva A. *Kitayskiy avtoritarizm i rossiyskaya «demokratiya». Chto luchshe dlya naroda i gosudarstva?* [Chinese authoritarianism and russian “democracy”. What is best for the nation and the state?]. Available at: <http://www.democracy.ru/article.php?id=477>.
14. *Rosstat otchitalsya po demograficheskoy situatsii v RF* [Rosstat reported on the demographic situation in the Russian Federation]. Available at: <http://kset.kz/news/view/589594&from=137012738>.
15. *Markin nazval ezhegodnyy ushcherb ot korruptsii v Rossii* [Markin called the annual damage from corruption in Russia]. Available at: <http://lenta.ru/news/2015/07/23/corruption/>.
16. Medvedev N. P. *Stabilnost politicheskoy sistemy: teoriya i rossiyskaya praktika* [The stability of the political system: theory and russian practice]. Available at: <http://psibook.com/philosophy/stabilnost-politicheskoy-sistemy-teoriya-i-rossiyskaya-praktika.html>.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В «НЕЗАПАНЫХ ПОЛИТИЯХ»

Вартумян Арушан Арушанович, доктор политических наук, профессор
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал Северо-Кавказского
федерального университета) в г. Пятигорске
Российская Федерация, 357500, г. Пятигорск, пр-т 40 лет Октября, 56
E-mail: pragru@mail.ru

Шебзухова Татьяна Александровна, доктор исторических наук, профессор
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал Северо-Кавказского
федерального университета) в г. Пятигорске
Российская Федерация, 357500, г. Пятигорск, пр-т 40 лет Октября, 56
E-mail: priem@pfil.ncstu.ru

Рассматриваются факторы, способствующие изменению модернизационной парадигмы в отношении стран Востока, анализируется специфика незападных, восточных обществ. Исследуется социальный капитал азиатской модели развития. Представлены стереотипы массового политического сознания восточных социумов.

Ключевые слова: модернизационная парадигма, социальный капитал, незападный политический процесс, легитимность власти, модели колонизации Востока

POLITICAL PROCESS IN THE “UNFOLD POLICIES”

Vartumyan Arushan A., D.Sc. (Politic), Professor
Institute of Service, Tourism and Design (branch NCFU) in Pyatigorsk
56, 40 let Otyabrya Ave., Pyatigorsk, 357500, Russian Federation
E-mail: pragpu@mail.ru

Shebzukhova Tatyana A., D.Sc. (History), Professor
Institute of Service, Tourism and Design (branch NCFU) in Pyatigorsk
56, 40 let Otyabrya Ave., Pyatigorsk, 357500, Russian Federation
E-mail: priem@pfil.ncstu.ru

In the article the factors that contribute to changing the modernization paradigm in relation to the countries of the East are considered, the specificity of non-Western, eastern societies is analyzed. The social capital of the Asian development model is explored. The stereotypes of the mass political consciousness of the eastern societies are presented.

Keywords: Modernization paradigm, social capital, non-Western political process, legitimacy of power, colonization models of the East

Незападные государства, которые недавно не рассматривались в качестве конкурентов глобальных лидеров, стали активно участвовать в «прогрессивной» повестке современности. И хотя для этих стран выбор в пользу инновационного развития является преимущественно политическим, их мотивации могут существенно различаться. Заявкой на реализацию инновационного проекта является, прежде всего, политическим выбором руководства тех стран, которые стремятся принять реальное участие, которые стремятся принять реальное участие в международной конкуренции, обозначить амбиции регионального или глобального лидерства [1].

По мнению Эдварда Сайда, так же как и сам Запад, Восток – эта идея, имеющая свою историю и свою традицию в общественной мысли, свою образность и словарь – всё то, что придало ему реальность и присутствие на Западе и для Запада. Данные две географические сущности соотносятся между собой и до известной степени отражают друг друга. Поэтому концепции модернизации, сосредотачивающие внимание на евроцентричном универсализме, должны быть заменены многомерным подходом к анализу восточных стран, свободном от предвзятого историзма и редуционализма [2]. На основании данного утверждения, что Восток – конструкт, созданный западными исследователями исходя из собственной национальной парадигмы, он «не существует в действительности». Но с другой стороны, Э. Сайд отмечает и признает уникальность восточных обществ: «существовали и существуют культура и нации, расположенные на Востоке: и их жизни, истории и обычаи имеют жестокую реальность, очевидно даже большую, чем все, что могло быть сказано о них на Западе» [3].

Факторами, способствующими изменению модернизационной парадигмы в отношении стран Востока, выступили накопление фактического материала о своеобразии неевропейских обществ и развитие на его основе исторической науки; деколонизация и становление суверенных государств и формирование национальных исторических школ в странах азиатско-африканского мира.

В современном отечественном и зарубежном востоковедении накоплен богатый исследовательский материал, на основе которого анализируется специфика незападных / восточных обществ. Принято считать, что доантичные западные и восточные политические структуры были идентичны. Начиная с эпохи Античности произошло разделение политических структур на два типа: западные и восточные.

В обществах западного типа рыночно/частнособственнические отношения имеют структурирующий характер, а в восточный социум характеризовался доминированием общественной и государственной собственности (т.е. власть была эквивалентна собственности). Западные политики отличались отсутствием централизованной власти и присутствием демократического самоуправления в рамках общины, которое впоследствии переросло в основу будущего гражданского общества. На Востоке наоборот, хотя общество и создавало альтернативные структуры противостоя-

ния государству / власти (семья, клан, община, каста, и др.), но они своей определённой частью были вписаны в систему государства. Общества этого типа в силу указанной специфики политической структуры всегда стремились к внутренней устойчивости, консервативной стабильности, в них закреплялось только то, что соответствовало нормам корпоративной / общинной этики господствующими конфессиональными отношениями, и они в силу этого постоянно воспроизводили политические структуры одного типа [4].

Сознание восточного человека консервативно, базируется на традиционных ценностях. В целом система «человек – общество» на Востоке носит эволюционный характер. Социокультурная система региона обладает высокой адаптивностью нового без уничтожения старого, поэтому одной из важных характеристик восточных социумов является их автаркический характер, непроницаемость.

Зеркалом социально-экономической многоукладности восточного общества стала этническая, конфессиональная дифференциация. Вторжение капитализма трансформировало структуру общества, но не его сознание. Восточный индивид, поменяв сферу деятельности, покинув деревню и став рабочим, не в состоянии изменить менталитет. Работая в городе, он всё равно ощущает себя членом патриархальной общины. В работодателе он видит не капиталиста-предпринимателя, а покровителя, патрона. Все страты восточного социума, несмотря на образ жизни и род занятий, сохраняют тесные контакты и связи с племенем, кланом, общиной, конфессией, что не может не рождать идеологической многоукладности и связанного с ней полиформизма политического процесса [5].

Другими словами, азиатская модель развития опирается на «социальный капитал» [6]. Социальный капитал выступает фактором, определяющим политическую модернизацию. Восточные традиционные общества ориентированы на многообразные формы коллективной деятельности, социальной сплочённости внутри родовых и клановых структур, и в этом смысле выступают благоприятной почвой для развития социального капитала. Такие компоненты социального капитала, как доверие, гражданская идентичность, толерантность выполняют для политической системы важные функции легитимизации властных структур, интеграции и мобилизации общества перед модернизационными вызовами.

Как показывает сравнительный анализ стран незападного политического процесса на примере Востока, использование социального капитала лидером или политической элитой при проведении широкомасштабных преобразований служит средством выхода из макросоциальной «институциональной ловушки» (И.Е. Дискин), когда социальное пространство доверия фрагментировано в локальных, партикулярных сегментах.

Спецификой социокультурной матрицы Востока выступал тип общества, гармонично встроенный в природу. Развитие восточных цивилизаций до середины XIX в. происходило в замкнутой этнокультурной среде, и на процессы модернизации большое влияние оказали сложившиеся на протяжении тысячелетий факторы общественного развития, отличные от европейских цивилизаций. Среди них: 1) коллективизм как функциональная и производственная ценность; 2) созерцательный, пассивный характер общества определялся доминированием природных факторов над мотивационными; 3) в политических отношениях преобладал коллективизм и родовая власть; 4) отсутствие института частной собственности как самостоятельного фактора бытия; 5) относительная стабильность культурных архетипов, определяющих инертность культуры; 6) отсутствие механизмов адаптации к переменам, доминирование тактики реконструкции и восстановления; 7) непринятие демократических форм организации политического процесса как центрального элемента государственной системы; 8) особый тип управленческой культуры посредством строго иерархизированной бюрократии; 9) неординарные органы управления, основанные на личных, эмоционально-окрашенных отношениях; 10) политизация религии.

Основными элементами политической культуры на Востоке являются стереотипы, представления массового сознания о легитимности власти, базирующиеся

на традициях, освящённых временем: установки массового сознания традиционного социума на праведное правление; стереотипный образ идеального лидера, базирующийся на политических мифах; стереотип восприятия иностранного опыта на основе принципа «чужой – свой», «мы» и «они»; функциональность родовых, клановых связей в современных условиях; стереотипная реакция индивидуального и массового сознания на власть государства; стереотипная предрасположенность традиционного массового сознания к определённому набору политических идей и лозунгов. Для восточного социума неприемлемы индивидуалистические ценностные ориентации, поскольку они ведут к деформации и слому солидаристских связей [7].

Ни в одном восточном социуме не сформировалась хотя бы относительная гомогенность, не создано гражданское общество. Все страты восточного социума, несмотря на образ жизни и род занятий, сохраняют тесные контакты и связи с племенем, кланом, общиной, конфессией, что не может порождать идеологическую многоукладность и связанного с ней полиформизма политического процесса [8]. В этой связи А.Д. Воскресенский полагает, что политическая лояльность в незападных сообществах обусловлена не столько политическими целями, сколько чувством принадлежности / причастности к «братству», а «связанные с политической лояльностью проблемы разрешаются на уровне внутригрупповых интересов» [9].

Легитимность власти на Востоке и сейчас опирается на социокультурные традиции общества. Основой политической культуры, помимо обоснования легитимности государства или лидера, является особое представление о характере государства. Политической формулой остается следующий постулат: господство государства носит латентный характер, обеспечивая меру солидаризма [7]. Ситуация, детерминированная глобализационными процессами, геополитическими по своей сути, породила такое явление, как политизация религии [10], которая отчётливо прослеживается в Центральноазиатском и Ближневосточном регионах.

Действительно, в современном мире отчётливо видна следующая тенденция: чем дальше глобализуется торговля, финансы и технология, тем выше стремление наций к самоутверждению неэкономического характера. Религия в современных условиях становится весомой частью разворачивающегося в мире противостояния по линии ценностных ориентиров и моделей развития, поэтому религиозный фактор должен рассматриваться как проявление теократических тенденций в политическом процессе, в рамках которого религия выступает как оружие различных политических сил [11].

Политизация религии в большинстве случаев является закономерным результатом неудачной модернизации, вылившейся в масштабный социальный кризис, тремя ипостасями которого являются кризис экономического развития, кризис демократии и кризис национальной идентичности. Эти кризисы образуют объективные причины политизации религий. Сущность этого социально-политического контекста проявляется в двух аспектах: 1) резкое усиление неравенства, рост угнетения со стороны правящей верхушки в подавляющем большинстве мусульманских стран; 2) отчуждение и утрата жизненных ориентиров в результате имитирующей, подражательной модернизации [12].

Восточные общества не стали и не станут демократиями западного типа. В соответствии с этой логикой на Западе двигателем новаций, в том числе и политических, являлся индивид, который был гражданином-собственником, а на Востоке – община, которая принимала только то, что соответствовало нормам общинной / корпоративной этики или традиции, а не индивидуальному / индивидуалистическому опыту.

Большое влияние на модернизационные процессы в странах Востока оказала колонизация. Для понимания социально-экономических и политических процессов в этом регионе большое значение имеет теория социального синтеза, разработанная Н.А. Симонией и Л.И. Рейснером [13]. Так, Л.И. Рейснер отмечает, что «колониализм объективно содействовал тому, что традиционность и современность оказались сильно разведенными в стороны как на глобальном уровне (центр – периферия), так и на местах, т.е. в самих зависимых странах». В итоге возник своеобразный синтез

колониальной системы и традиционной. Современные элементы, таким образом, оказались привнесёнными извне и начали постепенно проникать во внутреннюю традиционность. Колониальный синтез предстает как тесное переплетение и взаимодействие внешнеполитической активности капиталистического Запада, выступающего субъектом синтезирования, и традиционного феодально-племенного Востока, ставшего объектом синтезирования [7; 14].

Л.С. Васильев выделяет шесть основных моделей колонизации Востока [15, с. 266–268].

Модель первая, исламская: эффект колониализма – Запад против ислама с его мощной религиозной традицией и сильным государством.

Модель вторая, африканская: колониально-капиталистический Запад против первобытности и полупервобытности, опирающихся на примитивную традицию и крайне слабую государственность.

Модель третья, индийская: мощный эффект колониализма против мощной цивилизационной традиции, с ослабленной государственностью.

Модель четвертая, юго-восточно-азиатская: мощный эффект колониализма против сравнительно ослабленной цивилизационной традиции и государственности.

Модель пятая, китайская: слабый эффект колониализма против необычайно мощной традиции, цивилизации, государственности.

Модель шестая, японская: динамичная традиция, обогащаемая за счёт Запада.

Трансформация государств Востока сводилась, прежде всего, к укреплению позиций традиционного государства. В колониях оно было возрождено после деколонизации, в зависимых странах оно стало укрепляться в процессе реформ и революционных преобразований.

В постколониальный период Восток столкнулся с проблемой создания государственного механизма и аппарата заново, поскольку политико-экономическая зависимость нивелировала роль прежнего государственного аппарата, который по существу являлся коллаборационным образованием с деформированными функциями и полномочиями (Иран, Египет и др.). Ряд стран в принципе не имели традиции государственности, а автохтонное население не обладало политической культурой, пребывая на стадии родоплеменных отношений. В этих условиях любое проявление давления центра (современности) на периферию (традиционность) воспринималось исключительно как вторжение централизованной власти (колонизаторов, завоевателей, «чужих») в освященную традицией архаику (Ливия в середине XIX в.). Вакуум между восточными деспотиями (первыми государствами и их эпигонами) и современностью должен был быть заполнен либо колониальным этапом, порождающим «комбинированное общество», возникающее в ходе «колониального синтеза», либо этапом ущербности, деградации и распада прежних государственных образований [7].

Следует отметить существование традиций государственной и негосударственной консолидации. Единство, носящее негосударственный характер, базируется на кросс-связях родовых и клановых образований, не нуждаясь в государстве, выступающем в роли политического посредника. Политические лидеры Востока, сумевшие создать устойчивые политические образования в новейшее время, придавали большое значение кросс-связям традиционного характера и стремились, формируя у населения приемлемый уровень политической культуры, возвести прежние контакты на новый уровень, осуществляя тесное взаимодействие всех первичных социальных групп (семья, род, община), создавая базу для интеграции, несмотря на существующие социально-экономические расхождения [16].

Характер такого государства оставался авторитарным, но при этом выглядел демократичным в глазах населения. Основа восточного демократизма, в особенности в исламском мире, заключается в соблюдении принципов государственного строительства, создающих условия для волеизъявления всех членов мусульманской общины. При этом государство всегда будет арбитром, обладающим аппаратом насилия и принуждения [7; 14].

А.Д. Воскресенский полагает, что в незападных демократиях, к которым относятся восточные политики, существует другое, чем в либеральных, соотношение демократии и конституционного либерализма, в то же время они более демократичны (и более конкурентоспособны), чем нелиберальные демократии или демократии участия. Кроме того, там религия может играть особую, в том числе и освященную государством и законом роль (ислам в Египте, Йемене, Малайзии, иудаизм в Израиле, буддизм в Шри-Ланке, панчасила в Индонезии). В настоящее время незападными азиатского подтипа демократиями являются Турция, Ливан, Израиль, Марокко, Иордания, Япония, Индия, Южная Корея, Малайзия, Сингапур, Тайвань, Шри-Ланка, Индонезия, причём незападные демократии на Большом Ближнем Востоке, так же как и в Африке, не определяют тенденций регионального развития, а в Большой Восточной Азии – определяют. Пока открытым с точки зрения политической теории является вопрос, являются ли незападные демократии, т.е. национальные конституционно-либеральные демократии и их подтип – восточные, азиатские, самостоятельным устойчивым подтипом демократий или же они неизбежно должны трансформироваться в либеральные или нелиберальные, так как внутри этой группы существует достаточно широкий разброс параметров, приближающих некоторые из них к демократиям либерального типа (Япония, Южная Корея, Тайвань), а другие к нелиберальным (к примеру, Сингапур, Малайзия, Индонезия).

Ещё одной специфической чертой политической модернизации в государствах Востока выступает её авторитарный характер. Однако политический авторитаризм не только опирается на традиционную политическую культуру, но и трансформирует её.

Как правило, усиление роли государства в процессе модернизации сопровождалось установлением авторитарных режимов («авторитаризмов развития» или модернизаторских авторитаризмов) [17, с. 13–18, 40–70, 91–133; 18]. Такие режимы обеспечивали – как экономическими, так и административными методами – существенное увеличение доли капиталовложений в ВВП, в том числе и за счёт богатых слоёв общества. Они проводили политику, направленную и на технологическую модернизацию существующей промышленности, и на создание принципиально новых для страны отраслей хозяйства, обеспечивали условия для подготовки соответствующей рабочей силы, а после достижения некоего уровня промышленного развития создавали национальные системы образования и научных исследований.

При этом «авторитаризмы развития» использовали не только репрессии, осуществляя «принуждение к прогрессу». Они опирались также на общественный консенсус: общество, или, по крайней мере, его наиболее активная часть, соглашалось обменять политические свободы на рост материального благосостояния и расширение возможностей вертикальной социальной мобильности. Другими словами, «авторитаризм развития», с одной стороны, отбраковывал несправлявшихся с работой людей, а с другой стороны, открывал перспективы, в том числе и для выходцев из социальных низов, сделать карьеру честным трудом, благодаря способностям и усердию [19].

Список литературы

1. Селезнев П. Политическая идеология инноваций: выбор Запада и выбор Востока / П. Селезнев // Власть. – 2014. – № 3. – С. 23–28.
2. Said E. V. Orientalism / E. V. Said. – L., 1978.
3. Никитин М. Д. «Ориентализм» Э. Саида, теория колониального дискурса и взаимодействие Востока и Запада: к выработке нового понимания проблемы / Н. М. Никитин // Новая и новейшая история. – 2003. – Вып. 21. – С. 32–42.
4. Воскресенский А. Д. Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии / А. Д. Воскресенский // Сравнительная политика. – 2011. – № 1.
5. Ланда Р. Г. Социальная структура и политическая борьба: многоукладная борьба / Р. Г. Ланда // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. – Москва, 1990. – С. 35.
6. Корниенко Т. А. Роль социального капитала в политической модернизации стран Востока / Т. А. Корниенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 2. – С. 137–143.

7. Воронов А. М. Восточный деспотизм и социальный синтез. К вопросу о политической культуре на Востоке / А. М. Воронов. – Режим доступа: <http://ni-journal.ru/archive/4ca2193e/ni-4-5-2010/d229e501/2f465cf1/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Левин З. И. Восток: идентичность и глобализация / З. И. Левин. – Москва, 2007. – 166 с.
9. Воскресенский А. Д. Незапад в дискурсе мирополитической компаравистики / А. Д. Воскресенский // Международные процессы. – 2004. – № 3.
10. Станкевич Г. В. Религиозный фактор современного политического процесса / Г. В. Станкевич. – Ставрополь : Ставролит, 2012. – 325 с.
11. Пасандиде С. Исламизация политики и политизация ислама / С. Пасандиде // Власть. – 2013. – № 1. – С. 117–119.
12. Косов С. Г. Политизация религиозного фактора: исламская проекция / С. Г. Косов, Г. В. Станкевич // Исламоведение. – 2013. – № 3. – С. 15–21.
13. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / отв. ред. Л. И. Рейснер и Н. А. Симония. – Москва, 1984.
14. Осипова О. А. Американская социология о традициях в странах Востока / О. А. Осипова. – Москва, 1985. – С. 85.
15. Васильев Л. С. История Востока : в 2 т. / Л. С. Васильев. – Москва : Высшая школа, 1994. – Т. 2. Страны Востока и факторы трансформации. – 495 с.
16. Воскресенский А. Д. Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: Общие закономерности и специфика их региональной трансформации / А. Д. Воскресенский // Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А. Д. Воскресенского. – Москва : Восток – Запад, 2006.
17. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / отв. ред. В. Г. Хорос. – Москва : Наука, 1996. – 336 с.
18. Авторитаризм развития: Генезис, функции, перспективы («круглый стол») // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 5. – С. 41–53 ; № 6. – С. 92–105.
19. Красильщиков В. А. Модернизация: Зарубежный опыт и уроки для России / В. А. Красильщиков // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы / под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва, 2009. – С. 77.

References

1. Seleznev P. Politicheskaya ideologiya innovatsiy: vybor Zapada i vybor Vostoka [Political ideology of innovation: the choice of the West and the choice of the East]. *Vlast* [Power], 2014, no. 3, pp. 23–28.
2. Said E. V. *Orientalism*. L., 1978.
3. Nikitin M. D. “Orientalizm” E. Saïda, teoriya kolonialnogo diskursa i vzaimodeystvie Vostoka i Zapada: k vyrobke novogo ponimaniya problemy [“Orientalism” by E. Saïd, the theory of colonial discourse and the interaction of East and West: to develop a new understanding of the problem]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and Contemporary History], 2003, issue 21, pp. 32–42.
4. Voskresenskiy A. D. Obshchie zakonomernosti, regionalnaya spetsifika i kontseptsiya nezapadnoy demokratiï [General regularities, regional specificity and the concept of non-Western democracy]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative politics], 2011, no. 1.
5. Landa R. G. Sotsialnaya struktura i politicheskaya borba: mnogoukladnaya borba [Social Structure and Political Struggle: A Multistrukture Struggle]. *Politicheskie otnosheniya na Vostoke: obshchee i osobennoe* [Political Relations in the East: General and Special]. Moscow, 1990, p. 35.
6. Kornienko T. A. Rol sotsialnogo kapitala v politicheskoy modernizatsii stran Vostoka [The role of social capital in the political modernization of the countries of the East]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2012, no. 2, pp. 137–143.
7. Voronov A. M. *Vostochnyy despotizm i sotsialnyy sintez. K voprosu o politicheskoy kulture na Vostoke* [Eastern Despotism and Social Synthesis. To the question of political culture in the East]. Available at: <http://ni-journal.ru/archive/4ca2193e/ni-4-5-2010/d229e501/2f465cf1/>.
8. Levin Z. I. *Vostok: identichnost i globalizatsiya* [East: Identity and Globalization]. Moscow, 2007, 166 p.
9. Voskresenskiy A. D. Nezapad v diskurse miropoliticheskoy komparavistiki [Nezapad in the Discourse of World Political Comparative Studies]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International processes], 2004, no. 3.

10. Stankevich G. V. *Religioznyy faktor sovremennogo politicheskogo protsesssa* [Religious factor of the modern political process]. Stavropol, Stavrolit Publ., 2012, 325 p.
11. Pasandide S. Islamizatsiya politiki i politizatsiya islama [Islamization of politics and politicization of Islam]. *Vlast* [Power], 2013, no. 1, pp. 117–119.
12. Kosov S. G., Stankevich G. V. Politizatsiya religioznogo faktora: islamskaya proektsiya [Politization of the religious factor: Islamic projection]. *Islamovedenie* [Islamology], 2013, no. 3, pp. 15–21.
13. *Evolyuetsiya vostochnykh obshchestv: sintez traditsionnogo i sovremennogo* [Evolution of Eastern societies: the synthesis of traditional and modern]. Ed. by L. I. Reysner, N. A. Simoniya. Moscow, 1984.
14. Osipova O. A. *Amerikanskaya sotsiologiya o traditsiyakh v stranakh Vostoka* [American sociology about traditions in the countries of the East]. Moscow, 1985, p. 85.
15. Vasilev L. S. *Istoriya Vostoka: in 2 vol.* [History of the East: in 2 vol.]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1994, vol. 2, 495 p.
16. Voskresenskiy A. D. Sravnitelnyy analiz politicheskikh sistem, politicheskikh kultur i politicheskikh protsessov na Vostoke kak chast diskursa mirovogo kompleksnogo regionovedeniya: Obshchie zakonomernosti i spetsifika ikh regionalnoy transformatsii [Comparative analysis of political systems, political cultures and political processes in the East as part of the discourse of the world complex regional studies: General regularities and specificity of their regional transformation]. *Politicheskie sistemy i politicheskie kultury Vostoka* [Political Systems and Political Cultures of the East]. Ed. by A. D. Voskresenskiy. Moscow, Vostok – Zapad Publ., 2006.
17. *Avtoritarizm i demokratiya v razvivayushchikhsya stranakh* [Authoritarianism and democracy in developing countries]. Ed. by V. G. Khoros. Moscow, Nauka Publ., 1996, 336 p.
18. Avtoritarizm razvitiya: Genezis, funktsii, perspektivy («kruglyy stol») [Authoritarianism of development: Genesis, functions, prospects ("round table")]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2005, no. 5, pp. 41–53; no. 6, pp. 92–105.
19. Krasilshikov V. A. Modernizatsiya: Zarubezhnyy opyt i uroki dlya Rossii [Modernization: Foreign experience and lessons for Russia]. *Modernizatsiya Rossii: usloviya, predposylki, shansy* [Modernization of Russia: Conditions, Prerequisites, Chances]. Ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow, 2009, p. 77.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕГИОНОВ И БИЗНЕСА ИТАЛИИ С КРЫМОМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук,
доктор исторических наук, профессор
Кубанский государственный университет
Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: baranovandrew@mail.ru

В условиях глобализации качественно возросла роль негосударственных и субнациональных акторов политики в международных отношениях. Публичная дипломатия актуальна для прорыва экономической, информационной и политической блокады Крыма. Представляет интерес опыт международного сотрудничества регионов и бизнес-структур Италии с Республикой Крым и г. Севастополем (2014–2017 гг.). Долгосрочными факторами международного сотрудничества регионов и бизнеса Италии с Крымом являются: повышенная вовлечённость областей Италии в экономическое сотрудничество с Россией; конкуренция регионов с общенациональными органами власти; возросшее влияние регионалистских и оппозиционных партий в ряде областей Севера Италии; сходство структуры экономики Крыма и областей Италии. Наибольшие перспективы сотрудничества есть в экономически развитых областях Севера Италии, где влиятельны оппозиционные партии: «Лига Севера», «Народ свободы», «Движение 5 звёзд». Важным ресурсом публичной дипломатии России может стать информационная политика, позиционирующая Крым как «мост» между цивилизациями, пространство многовекового диалога и сотрудничества.

Ключевые слова: публичная дипломатия, регионы, бизнес, Италия, Крым